

КРИТИКА ФИЛЬТРУЮЩЕГО РАЗУМА

На месте одного селфи
всегда находятся два

ЙОЭЛЬ РЕГЕВ

Йоэль РЕГЕВ. Доктор философии, Арт-Медиа-Центр «Мамута», Иерусалим.
Адрес: Tchernichovsky 74/5, Jerusalem Israel.
E-mail: yoel.regev@gmail.com.

Ключевые слова: селфи, интернет, алгоритмы, персонализация, фильтры, Эли Паризер, новый дух капитализма.

Статья посвящена обсуждению явления, характеризуемого Эли Паризером как «стена фильтров»: функционированию интернета в эпоху социальных сетей персонализации. В противоположность позиции Паризера, видящего в «новом интернете» опасность для демократии и дополнительный инструмент капиталистического подавления, статья указывает на основополагающую двойственность «системы фильтров», соединяющей в себе как реакционные, так и революционные тенденции. Анализ феномена селфи становится главным средством, с помощью которого выявляется это основное противоречие «фильтр-интернета».

CRITIQUE OF FILTER-REASON.
EACH SELFIE DIVIDES ITSELF IN Two

YOEL REGEV. PhD in Philosophy, Mamuta Art and Media Center, Jerusalem.

Address: Tchernichovsky 74/5, Jerusalem Israel.

E-mail: yoel.regev@gmail.com.

Keywords: selfie, internet, filter bubble, Eli Parisser, the new spirit of capitalism.

The paper deals with what is characterized by Eli Pariser as *filter bubble*: the new way in which the internet functions in the age of social networks and personalization. Contrary to Pariser's emphasis on the potential threats of the new internet, this paper sees it as essentially ambivalent phenomena, in which oppressive and liberating tendencies are indistinguishably intertwined; the selfie serves as a central point for analyzing and clarifying this duality.

1. **Е**СЛИ наличие «стены фильтров» является, как считает Эли Паризер¹, основным фактором, определяющим функционирование интернета эпохи социальных сетей и персонализированного поиска, то без всякого преувеличения можно утверждать, что именно *Instagram* представляет ту сферу, где этот новый интернет становится из интернета-в-себе интернетом-для-себя. Невидимое становится здесь предельно наглядным, а скрытое трансцендентальное условие — непосредственным объектом рассмотрения. В обычных условиях фильтрация, определяющая содержание нашего эмпирического опыта как пользователей *Facebook* или поисковика *Google*, происходит у нас за спиной и остается скрытой от нас (так что, как справедливо указывает Паризер, мы часто вообще не принимаем во внимание сам факт ее существования); в *Instagram* же система фильтров является первично данным объектом опыта пользователя, где он становится агентом, активно осуществляющим ту деятельность, которую он обычно лишь пассивно претерпевает.

Если главным результатом фильтрации, скрытно осуществляемой алгоритмами поиска и социальных сетей, является персонализация интернета, превращение его в бесконечный ряд параллельных вселенных, каждая из которых намертво замыкает пользователя в «петле персональности», то именно селфи является той точкой, где критическое превращение фильтр-онтологии в онтологию-для-себя достигает своего апогея: здесь непосредственно дан трансцендентальный субъект фильтрации, активно осуществляющий ее по отношению к самому себе.

1. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012.

2. Именно этот факт делает селфи точкой, в наибольшей степени подходящей для выявления и анализа основного противоречия системы фильтров. По мнению Паризера, интернет, базирующийся на фильтрации и персонализации, является злом и таит в себе угрозу: он антидемократичен, так как уничтожает «возможность видеть мир с точки зрения другого» и «исходить из общих фактов». В противоположность интернет-фланеру предшествующей эпохи, беспорядочно бродящему по Сети в поисках удивительных открытий, пользователь нового интернета не отклоняется от пути, проторенного для него алгоритмами, базирующимися на его предшествующих выборах и движениях: он оказывается навсегда отрезанным от нового и неожиданного.

Нам, однако, представляется, что в данном случае (и возможно, именно в нем прежде всего) гораздо более продуктивной будет критика марксистско-ленинского типа — критика, основной посыл которой (возобновляемый, например, «Акселерационистским манифестом»²) заключается в следующем: вместо того чтобы пытаться повернуть вспять осуществляемое капитализмом развитие технологий, необходимо утверждать, что капитализм как раз недостаточно радикален в осуществляемом им самим прорыве, что проблема его заключается не в том, что он заходит слишком далеко в разрушении «священных связей», конституирующих сущность человеческого, а как раз, наоборот, в том, что он блокирует свое собственное движение и останавливается на полпути. Сам капитализм подготавливает механизмы, которые в дальнейшем смогут быть реквизированы у него и использованы для его разрушения: это утверждение верно по отношению к «фильтр-интернету» не в меньшей степени, чем по отношению к «механизму общественного хозяйничания». Это, конечно, не означает, что подобная реквизиция может произойти автоматически благодаря развитию технологии — в рамках капиталистического режима функционирования она всегда будет находиться в состоянии самоблокирования. Главной же проблемой является то, что прорыв и блокирование неразделимо смешаны и предстают как одно, и задачей теории, способной «мыслить на уровне современного развития капитализма», как раз и является указание на то, что на месте одного находятся два.

3. Начнем с наиболее очевидного: именно благодаря осуществляемой ими фильтрации и отделению от контекста социальные сети

2. Вильямс А., Шрничек Н. Акселерационистский манифест // Интернет-журнал «Лива». URL: <http://www.liva.com.ua/manifesto-accelerate.html>.

(а особенно размещаемые в них фотографии) являются, пожалуй, наиболее действенным инструментом детерриториализации и универсализации. Самые партикулярные аспекты человеческого существования, такие как, например, еда, лишаются своей локально-кулинарной и бытовой обусловленности, приобретают универсальный характер (поглощение пищи как будто сдвигается со своей закоренности в цепочке биологически-животного) и поверх своей утилитарной ценности наделяются своего рода вечностью. Им придается импульс ускоренного движения, делающий возможным практически мгновенное преодоление пространственных границ, но также и выводящий их за пределы той конкретной ситуации, в которой они совершались. Фильтр является своего рода печатью, накладываемой на повседневное и фиксирующей происходящую с ним магическую трансформацию: не переставая быть тем, чем оно является, повседневное теряет свою утилитарную самоочевидность. Однако эта утрата подключения к обыденному и утилитарному является также и обрубанием якорных тросов, делающим возможным свободный дрейф в куда более глобальных потоках. Подобно тому как мысль, становясь частью истории философии, включается в ряд, безразличный к конкретным биографическим обстоятельствам ее высказывания, подобно тому как произведение искусства может воздействовать на нас без всякой связи с условиями его создания, размещенная в сети фотография бифштекса встраивает его в потенциально бесконечное количество контекстуальных потоков-лент, в каждом из которых жареный кусок мяса наделяется пусть и преходящей, но все же абсолютностью. *Instagram* позволяет пище сделаться абсолютной истиной.

Тот факт, что подобного рода универсализация делается возможной именно в условиях отсутствия какой бы то ни было примечательности или интереса универсализируемого (в моей еде нет ничего особенного), ни в коей мере не является изъяном или поводом для оплакивания уходящего в прошлое мира высокой духовности; республика образов не просто более демократична, чем *république de lettres*, она по большому счету впервые позволяет просвещению достичь своих целей, делая возможным превращение в световые потоки самых затемненных областей реальности, не лишая их при этом конкретности и материальности. По сути дела, здесь идет речь о новой ступени в процессе эгалитаризации, являющейся одной из наиболее глубинных тенденций Нового времени. То, что прежде было достоянием и привилегией немногих — от грамотности до наличия свободного времени, — становится достоянием масс (в свете этого становится понятным, например, по-

чему сразу по окончании Второй мировой войны, на фоне разрухи и все еще не отмененной карточной системы, Сталин настаивал на налаживании массового производства шампанского). Наиболее же глубинным проявлением этой тенденции является эгалитаризация значимости и права на детерриториализацию частного. В условиях старых общественных формаций приобретение частными аспектами жизни универсальной значимости и их выведение из обуславливающего их контекста оставались привилегией незначительного меньшинства, например особ королевской крови. Капитализм эмансипирует право на внимание, делая его независимым от обстоятельств рождения, принадлежности к тому или иному сословию и т. п. Человек становится объектом интереса без всякой зависимости от того, кто его отец и каков цвет его кожи; право на интересность гарантируется исключительно мерой вложенного труда, а еще точнее — способностью создавать новое благодаря затраченному труду. Способность к продуцированию нового — вот что требуется для того, чтобы вами интересовались; и чем больше это новое, тем больше будет интерес к тому, что вы думаете, во что одеваетесь, что вы едите или с кем спите.

Однако, как это и свойственно капитализму, освобождающий жест вновь сопровождается блокирующим и останавливающим: частное может сделаться универсальным лишь при условии опосредования интересом; еда неинтересного человека остается замкнутой в своей партикулярности столь же безысходно, сколь и еда древнеримского раба. В этом отношении революция, осуществляемая социальными сетями, — это революция, направленная против звезд и знаменитостей и экспроприрующая у них право на детерриториализацию частного: отныне каждый может стать папарацци для самого себя и сделать свой быт абсолютным.

Именно в селфи эта экспроприация интересного достигает своей высшей точки: объектом ничем не обусловленной, то есть абсолютной, детерриториализации становится сам детерриториализующий. Селфи — это предельно эгалитаризированный культ личности: каждый имеет возможность заполнить своими портретами все стены. Никогда еще воздвижение собственного нерукотворного памятника и бегство от тления не было столь доступным; снятие самого себя с якоря, создание собственного светового образа и придание ему максимализированного ускорения осуществляются без каких бы то ни было усилий, буквально мановением руки и шевелением пальца. Ни рождение, ни положение в обществе, ни мера вложенного труда не являются предварительным условием для того, чтобы быть подхваченным непредустановлен-

ной гармонией между бесконечным количеством лент, не имеющих окон (хотя и состоящих исключительно из них).

4. Однако о каком именно освобождении идет речь? Является ли детерриториализация нового типа освобождением интересного или освобождением от интересного? На этот вопрос невозможно дать ответ. И именно эта невозможность указывает на основополагающую двойственность системы фильтров: противоречие между общественным характером абсолютизации и частным характером присвоения (причем тень, отбрасываемая вторым на первое, ретроактивно превращает абсолютизацию в производство и приводит к тотальному коллапсу, результатом которого становится приравнивание абсолютизирующего снятия с якоря к «счастливному моменту» явления нового).

Новый интернет действительно воздвигает стену, но это не стена фильтров, а стена, стоящая у фильтров на пути. Вся суть его функционирования заключается в том, что описанный выше процесс детерриториализирующей абсолютизации постоянно блокируется, и инстанцией этого блокирования является именно требование «возможности исходить из общих фактов» и «видеть мир с точки зрения другого», приводящее к тому, что составляющие систему фильтров вселенные не являются по-настоящему замкнутыми. В рамках этого блокирования шевеление пальцем превращается в самопроизводство; детерриториализация и интенсификация реапроприируются, становясь собственностью той существующей в постоянном ускользании точки «всегда нового», которая конституируется именно в процессе этой апроприации. Фильтр-субъект превращает световые образы в свою собственность, собирая из них самого себя как того, кто произвел их безо всяких усилий, просто потому, что он таков, каков он есть. Содержание этого «таков — каков» и есть то, что подвергается постоянному обновлению: каждый новый добавляющийся к моей ленте снимок трансформирует меня как собственника этой ленты и при этом утверждает мое обладание новизной, которая и является моей главной собственностью.

В этом отношении экономика лайков представляет собой своего рода триумф неолиберализма: именно она позволяет конкуренции сделаться по-настоящему вездесущей и обеспечивает безграничное распространение логики рынка за пределы рыночных отношений³. Лайки являются идеальными квази-деньгами: они обеспечивают исчислимость и пригодность для моментального сравнения сколь

3. См.: Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2001. № 1 (80). С. 103–117.

угодно частных явлений — от увиденного пейзажа до съеденного ужина. Какие угодно произвольно выбранные моменты могут стать основанием для носящего характер «общего факта» объективного сравнения; именно воплощаемый лайком «взгляд другого» становится основанием, с помощью которого «бухгалтерский субъект» учреждает себя в качестве всегда нового и выходящего за свои собственные пределы, сравнивая свою собственную способность к новизне и улавливанию «счастливого момента» ее явления с аналогичной способностью других. Этот субъект определяется уже не своим трудом и даже не своим потреблением, а своим счастьем, позволяющим ему безо всяких усилий в нужный момент оказаться в нужном месте. «Счастье — лайки — счастье» является основной схемой, на которой основана подобная бухгалтерия.

Селфи же с точки зрения этой бухгалтерии счастья представляет собой зримое явление собственности: осуществляемый самой камерой или расположенным напротив нее зеркалом поворот назад позволяет ввести в пределы видимого того, кому оно принадлежит и кем оно в замаскированной форме всегда является. С точки зрения движения апроприации любая фотография, размещаемая мною в социальной сети, является фотографией меня самого — и не вопреки, а именно благодаря постоянному учету «точки зрения другого», поскольку только эта точка зрения и делает меня самим собой. Селфи воплощает в себе эту прибавочную стоимость счастливого бухгалтерского субъекта, извлекаемую путем эксплуатации детерриториализирующего и абсолютного.

5. Существовать — значит быть подключенным к постоянно меняющимся констелляциям потоков-лент; существовать — значит быть исчисляемым и наделенным той или иной ценностью, определяемой сравнением, которое делается возможным благодаря этому исчислению. Два этих утверждения выражают основной конфликт современности: столкновение между проектно-ориентированным градом, сетевым миром нового духа капитализма⁴, и неолиберальным миром тотальной бухгалтерии и безграничного рынка, проникающего в самые потаенные и интимные углы существования. Фильтр-интернет в целом разворачивает и делает явленной ту диалектику, которая определяет соотношение между этими двумя системами: сетевая вселенная нуждается в сравнивающей квантификации как в допуске к существованию, без него она воспринимается как нечто несущественное и нереальное

4. См.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

(признаем, что именно такое впечатление эфемерности и нереальности производят рассуждения о детерриториализирующих и абсолютизирующих потоках); с другой же стороны, подсчитывающее сравнение может осуществляться лишь потому, что детерриториализация постоянно поставляет ей материал, который может быть подвергнут квантификации.

В каждом селфи, таким образом, всегда совмещаются, как бы накладываясь друг на друга, две разные фотографии: субъекта-шевеливающего-пальцами, совершающего кувырок, в результате которого отщепляемый от него световой образ наделяется интенсивностью, абсолютно безразличной к интересу и его отсутствию, к счастью и несчастью, и бухгалтерского субъекта, занятого постоянным созиданием собственного счастья из ничто. Подлинная проблема фильтр-интернета заключается в том, что в рамках нынешнего модуса его существования эти две фотографии всегда являются одной. И возможно, именно поэтому всякое селфи всегда таит в себе надежду на освобождение — надежду, которая обречена на то, чтобы всегда оставаться обманутой.

Обманутой, поскольку мир фильтров и замкнутых вселенных не обладает достаточными ресурсами для того, чтобы сопротивляться диктату квантификации. Для успеха подобного сопротивления необходимо появление новой онтологии — онтологии, которая позволит разотождествить существование и базирующееся на системе подсчитывающей конкуренции имманентное невозможное, наделяющее реальностью лишь то, что одновременно наличествует и отсутствует, становится чем-то и продолжает оставаться ничем. И каждое селфи в своей неосуществляющейся надежде и постоянно осуществляемом самоподавлении является также и требованием осуществления спекулятивной интервенции как основания, которое позволит угнетенным восстать против угнетателей.

REFERENCES

- Boltanski L., Chiapello E. *Novyi dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Dardot P., Laval C. Neoliberalizm i kapitalisticheskaia sub"ektivatsiia [Néolibéralisme et subjectivation capitaliste]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2001, no. 1 (80), pp. 103–117.
- Parizer E. *Za stenoi fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas* [The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You], Moscow, Alpina Business Books, 2012.
- Williams A., Srnicek N. *Akseleratsionistskii manifest* [Accelerate manifesto]. *Liva.com.ua*. Available at: <http://www.liva.com.ua/manifesto-accelerate.html>.